

Оглавление

Иллюстрации и карты.....	7
Предисловие и благодарности	9
Пролог	11
Глава 1. Сумерки богов.....	17
Глава 2. Форпост империи	54
Глава 3. Лавина	86
Глава 4. Мир меняется	114
Глава 5. Покорение Севера.....	143
Глава 6. Пути славы	171
Глава 7. Долгая тень.....	201
Глава 8. Враг внутри.....	234
Глава 9. Новый Константин.....	261
Глава 10. Старик вспоминает... ..	288
Эпилог	314
Хронология.....	318
Словарь.....	325
Библиография.....	327
Предметно-именной указатель.....	334

Иллюстрации и карты

1. Статуя Константина, Капитолийский холм, Рим (maratr/Shutterstock.com).
2. Серебряное блюдо с изображением Феодосия I (FXEGS Javier Espuny/Shutterstock.com).
3. Феодосий на ипподроме, основание колонны (BasPhoto/Shutterstock.com).
4. Руины Серапеума, Александрия (Copusat37/Shutterstock.com).
5. Базилика Санта-Мария-Маджоре, Рим (feliks/Shutterstock.com).
6. Церковь Святого Симеона Столпника, Калаат Семаан, Сирия (Rafal Cichawa/Shutterstock.com).
7. Базилика Сант-Аполлинаре-Нуово, Равенна (Borisb17/Shutterstock.com).
8. Юстиниан I, мозаика из базилики Сан-Витале, Равенна (Michal Szymanski/Shutterstock.com).
9. Собор Святой Софии (Mikhail Markovskiy/Shutterstock.com).
10. Церковь Святых Сергия и Вакха, Константинополь (Borisb17/Shutterstock.com).
11. Номисма императора Ираклия (фото автора).
12. Стены Константинополя (Tolga Sezgin/Shutterstock.com).
13. Икона «Одигитрия» (Dmitry Kalinovskiy/Shutterstock.com).
14. «Темная церковь», Каппадокия, Малая Азия (Adisa/Shutterstock.com).
15. Богородица с младенцем, мозаика из собора Святой Софии, Константинополь (Vadim Petrakov/Shutterstock.com).
16. Церковь монастыря Мирелейон, Константинополь (Pavle Marjanovic/Shutterstock.com).
17. Византийская церковь, Охрид (S-F/Shutterstock.com).
18. Собор Святой Софии, Киев (Kiev.Victor/Shutterstock.com).

19. Памятник Киевскому князю Владимиру, Лондон (фото автора).
20. Великая Лавра, гора Афон (Dmitri Ometsinsky/Shutterstock.com).
21. Руины Преслава, Болгария (Little_Desire/Shutterstock.com).
22. Монастырь Осиос Лукас, Греция (Anastasios71/Shutterstock.com).
23. Зоя, мозаика в соборе Святой Софии (PavleMarjanovic/Shutterstock.com).
24. Константин IX Мономах, мозаика в соборе Святой Софии (Pavle Marjanovic/Shutterstock.com).
25. Алексей I Комнин, изображение на монете (фото автора).
26. Иоанн II Комнин, мозаика в соборе Святой Софии (Antony McAulay/Shutterstock.com).
27. Монастырь Пантократора, Константинополь (aydngvn/Shutterstock.com).
28. Деисус, мозаика в соборе Святой Софии (Artur Bogacki/Shutterstock.com).
29. Церковь Святой Софии, Монемвасия (TellyVision/Shutterstock.com).
30. Церковь Христа Спасителя в Хоре, Константинополь (Mario Savoia/Shutterstock.com).
31. Мистра, Греция (DiegoMariottini/Shutterstock.com).
32. Собор Святой Софии, Бэйсуотер, Лондон (фото автора).

КАРТЫ

- Византийская империя ок. 500 г.
- Византийская империя ок. 565 г.
- Византийская империя ок. 741 г.
- Византийская империя ок. 900 г.
- Византийская империя ок. 1050 г.

Предисловие и благодарности

Эта книга — мое путешествие в тысячелетнюю историю Византии, построенное вокруг давно занимавших меня вопросов, людей и событий. Главное, что мне хотелось понять: каким образом Византия просуществовала так долго, несмотря на все потрясения и вторжения, которые ей довелось пережить, и почему в конце концов исчезла столь бесследно. Ради того, чтобы ответить на эти вопросы, я оставил в стороне многое из того, что другой автор, вероятно, включил бы в повествование, и в то же время рассмотрел те аспекты, которые другие могли бы счесть второстепенными или даже несущественными.

О разделе «Дальнейшее чтение» в конце также могу сказать: он не претендует на полноту — это скорее идеи для следующего шага — и ограничивается широкодоступными книгами на английском языке. Разумеется, написано о Византии гораздо больше.

Что касается византийских имен, в целом я старался транслитерировать их как можно ближе к оригинальному греческому звучанию, но не стремился добиться этого любой ценой. Их произношение, как и освещение событий, и их толкование — это мой личный выбор.

Однако, хотя книга представляет мой взгляд на «забытый мир» Византии, на нее как прямо, так и косвенно повлияли и другие люди. Так, она много приобрела благодаря комментариям двоих благосклонных анонимных обозревателей, а также отзывам Хэзер Макаллум и Рэйчел Лонсдейл из Yale University Press. Лиз Хорнби тщательно отредактировала текст. Эндрю Серджент любезно прочитал рукопись с позиций заинтересованного неспециалиста и спас меня от множества нестыковок, ошибок и упущений. Работа на кафедре истории Королевского колледжа Холлоуэй также оказала на меня большое влияние. Я бы не написал эту книгу вовсе, если бы у меня не было возможности опробовать свои идеи на студентах программы бакалавриата, которые

стали слушателями моих курсов «Византия и ее соседи» и «Падение Константинополя». Их вопросы, ответы и возражения заставили меня уточнить и доработать свои концепции, а в некоторых случаях и вовсе пересмотреть их. Также я в долгу перед тремя руководителями кафедры — Джонатаном Филлипсом, Сарой Ансари и Джастином Чемпионом — за ту помощь, которую они мне оказывали и в исследованиях, и в преподавании, а также перед Пенелопой Малленз и Мари-Кристин Окенден, благодаря которым все административные вопросы решались легко и без усилий. В конечном счете это огромная привилегия — писать исторический труд, работая на соответствующей кафедре, тем более столь крупной, с разносторонними научными интересами.

*Королевский колледж Холлоуэй
Лондонского университета
Январь 2015 года*

Пролог

Много где встречаются руины древних памятников, но непонятно, почему их так мало сохранилось...

Ожье Гислен де Бусбек, посол императора Священной Римской империи в Константинополе, 1555–1562 гг.

В середине XVI века столица Османского султаната была одним из крупнейших и богатейших городов мира. Она являлась сердцем империи, раскинувшейся от Крыма до Алжира, а ее быстро растущее население составляло больше 400 000 человек. Широко известный как Стамбул, официально город назывался Константинополем. Его властитель, Сулейман Великолепный (правил в 1520–1566 гг.), был не только одним из величайших завоевателей в истории империи, но и мусульманским халифом, и потому улицы и площади Константинополя украшали около 300 мечетей, что демонстрировало величие духовной, а также и светской власти султана. На холме в центре города возводилась великолепная новая мечеть с четырьмя минаретами. По завершении строительства она будет располагать целым комплексом медресе, бань и больниц. Известная как Сулеймание, по имени султана, по чьему повелению она была построена, мечеть станет главной в столице самого могущественного исламского правителя того времени, главы всех правоверных мусульман.

В 1544 году в Константинополь прибыл француз по имени Пьер Жиль. Получивший классическое образование, увлеченный натуралист, он отправился туда по поручению своего государя Франциска I, чтобы найти древние рукописи для королевской библиотеки в Фонтенбло. Однако ему пришлось пробыть в Константинополе гораздо дольше, чем планировалось: в 1547 году король Франциск умер, об ученом и его миссии благополучно позабыли, и Жиль остался без средств, необходимых для возвращения домой. Через три года, чтобы свести концы с концами, он вынужден был завербоваться

в войско султана и отправиться на Восток сражаться с персами. Но до того, во время его вынужденного пребывания в Константинополе, он много бродил по улочкам столицы и хорошо изучил ее. Его занимал вовсе не современный ему город. На его взгляд, на фоне величественных новых мечетей городские улицы выглядели еще более грязными и запущенными. Как человек классического образования, он искал следы древнего прошлого, когда город был известен как Византий. К его разочарованию, почти ничего от той эпохи не сохранилось, но Жиль вскоре заинтересовался тем, что осталось от более поздних веков, когда Константинополь был столицей христианской, а не мусульманской империи, и его властители говорили по-гречески, а не по-турецки. Его современники называли это исчезнувшее государство Византийской империей, или Византией, и, так как она окончательно прекратила свое существование всего за столетие до этого, от нее, по сравнению с сегодняшним днем, еще что-то уцелело. Жиль, сколько мог, с энтузиазмом искал сохранившиеся памятники этого погибшего мира. Он бродил вокруг строения, которое наиболее явно относилось к той эпохе, — бывшего христианского собора Святой Софии (Премудрости Божьей), возвышавшегося в центре города напротив султанского дворца Топкапы. Однажды, поскользнувшись, он упал в подземный резервуар, где обнаружил семь загадочных колонн. Кто-то сказал ему, что они были частью некогда великолепного дворца византийских императоров, но сам Жиль был уверен, что это остатки портика, который когда-то окружал главную городскую площадь, Августеон. Он спустился под улицы и, в небольшой лодке, скользил меж могучих колонн подземной цистерны, под ее сводчатым потолком, который освещался только неровным светом факела. Он взбирался на портик, обозначавший восточную часть ипподрома, где византийцы смотрели гонки на колесницах, и с этого места ему было видно, как вдали, в проливе Босфор, резвятся дельфины.

Выявлять наследие византийского прошлого оказалось, как вскоре выяснилось, непростой задачей. Слишком явный интерес к древностям вызывал подозрение у местных жителей, и в этом отношении христиане, жившие в городе, были

не менее враждебны, чем турки. Поскольку Жиль делал замеры своих находок, его могли выдать властям как вражеского лазутчика. И если он привлекал к себе нежелательное внимание местных жителей, то избежать неприятностей можно было только одним способом — купить всем вина.

На древние крепостные стены, которые защищали Константинополь с запада, было легко взобраться, и Жиль смог измерить шагами расстояние между внутренним и внешним укреплениями. Но собор Святой Софии нужно было осматривать с куда большей осторожностью, поскольку теперь это была мечеть Ая-София и немусульмане не должны были заходить внутрь. Смешавшись с толпой, Жиль сумел попасть туда, оставшись незамеченным, и своими глазами увидел ее парящий купол. Но когда дело дошло до измерений, ему пришлось заплатить турку, чтобы тот выполнил эту работу.

Зачарованный свидетельствами прошлого, Жиль тем не менее понимал, что это лишь малая часть византийских памятников, некогда украшавших Константинополь. Множество церквей, монастырей и дворцов, упоминавшихся в прочитанных им текстах, попросту исчезли. Он знал, что во Влахернах у городских стен должен быть второй дворец византийских императоров, но не сумел найти его. Он искал храм Святых апостолов, который, как говорили, уступал в размерах разве что Святой Софии, но не обнаружил никаких следов — даже фундамента. Один памятник был уничтожен прямо у него на глазах. Неподалеку от собора Святой Софии он наткнулся на гигантскую бронзовую ногу, торчавшую из кучи обломков. Ему очень хотелось подойти и измерить ее, но он не решился, побоявшись привлечь к себе внимание. Однако и безо всяких измерений было видно, что нога больше его роста. Далее, как бы невзначай оглядывая эту свалку, он обнаружил нос длиной около 20 сантиметров и ноги лошади. Из прочитанного Жиль знал, что это могло быть. Он оказался одним из последних людей, которым довелось увидеть огромную конную статую императора Юстиниана I. Тысячу лет она простояла на высокой колонне на центральной площади византийского Константинополя. Император восседал на скачущем коне, его правая рука была поднята во властном жесте,

предупреждающем врагов, в левой лежал шар, увенчанный крестом. Теперь же это изваяние лежало в виде обломков на земле в ожидании окончательной гибели, и рабочие уже начали отвозить его фрагменты в литейную, где их должны были переплавить в пушки. Жилью оставалось лишь сожалеть о том, что турки столь враждебно относились к скульптуре и к архитектурным красотам — едва ли это было справедливо в отношении столь великолепных произведений искусства и сооружений. Увлеченный древними памятниками, Жиль не проникся теплыми чувствами к современному ему Константинополю и его жителям и, уезжая, поклялся никогда туда больше не возвращаться.

* * *

Спустя несколько лет, вернувшись с Востока и поселившись в Риме, Жиль описал свои впечатления и находки в труде «Древности Константинополя», который был опубликован в 1561 году, уже после его смерти. Исчезновение столь многих вещественных свидетельств существования такого могущественного и процветавшего государства, как Византия, побудило его задаться закономерным вопросом: как случилось, что христианские правители византийского Константинополя потеряли все и были поработены «басурманами»? Все дело, заключил он, в характере, который формируется климатом этой части суши:

Ввиду этого, хотя Константинополь кажется по природе своей созданным для того, чтобы властвовать, жители его не имеют ни добродетелей просвещения, ни строгой дисциплины. Благоденствие сделало их ленивыми ... [и] совершенно не способными к какому-либо сопротивлению варварам, коими они на огромные расстояния окружены со всех сторон.

Жиль был далеко не первым и не последним, кто объяснил падение Византии ленью и моральной распушенностью ее жителей. Два столетия спустя эта тема была подхвачена Эдвардом Гиббоном, который в последних томах своего авторитетного

труда «История упадка и разрушения Римской империи»* писал о «малодушии и разладе» среди «греков», как он и многие другие называли византийцев. Даже сегодня бытует представление, будто с византийцами что-то было не так, чем и объясняется, почему их государства больше нет на карте. Вместо того чтобы собирать и вооружать легионы против своих многочисленных врагов, они, игнорируя политическую и экономическую реальность, предавались церемониальным действиям, собиранию древностей, догматическим спорам и украшению церквей. И если достижения древних греков и римлян имели глубокое влияние на современный мир и о них регулярно рассказывают в телевизионных программах и на школьных уроках, то Византия в значительной степени предана забвению.

Есть, однако, один очень неудобный факт, который не позволяет так легко сбросить ее со счетов. Если византийцы и впрямь были настолько бездеятельными и жалкими, что не сумели защитить себя, почему же их государство просуществовало так долго? История знает немало недолговечных империй, например Александра Македонского и Аттилы: образовавшиеся в результате военных завоеваний, они разваливались сразу после смерти своих харизматичных создателей. Византия, напротив, оказалась одной из самых долговечных держав в истории человечества. Если началом ее считать наречение Константинополя столицей в 330 году, а концом — захват города турками-османами в 1453 году, то она просуществовала больше 1000 лет. Этот рекорд долгожительства впечатляет тем больше, что установлен он был в самых что ни на есть неблагоприятных условиях. В истории наблюдается отчетливая тенденция: в стремлении ли бежать от угнетения или экологической катастрофы, в поисках ли лучшей жизни или из желания завоевывать и грабить, но люди постоянно находятся в движении. Бывают периоды, когда это движение несколько замедляется. Так было, например, с 31 года до н. э. до 180 года, что позволило Римской империи сохранять обширную территорию, оставаясь почти в одних

* Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I–VII. СПб.: Наука, Ювента, 1997–2004.

и тех же границах. На долю Византии, которая стала преемницей Римской империи, такой удачи не выпало. На протяжении всей своей истории она постоянно находилась на пути переселения народов, которые двигались на запад из степей Азии и с Аравийского полуострова.

Именно это больше, чем что-либо еще, предопределило ее участь. Ее самобытное общество и характер сформировались в ответ на постоянную серьезную угрозу территориальной целостности. Перед лицом такого вызова одной только военной мощи было недостаточно. Срази в бою одну армию чужаков, и на ее место придут три. Нужен был новый образ мышления, чтобы найти другие способы нейтрализовать угрозу путем либо интеграции и заключения соглашений, либо подкупа и интриг, либо — и это самый необычный путь из всех — создания внешнего великолепия, цель которого — смущать врагов и привлекать их в свои ряды в качестве друзей и союзников. Империю регулярно сотрясали катастрофы, и все же ей удавалось выживать и восстанавливаться. Возможно, сами византийцы отчасти виноваты в том, что эти особенности истории их цивилизации не были оценены по достоинству. Своей литературой, искусством и церемониальными действиями они ввели всех в одно из величайших заблуждений в истории, представляя свое общество как неразрывно связанное с прошлым: до самого конца они настаивали на том, чтобы считаться «римлянами», как будто с древних времен ничего не изменилось. На самом же деле перед лицом нескончаемых угроз Византия постоянно развивалась и менялась. Очень легко воспринимать византийцев так, как они воспринимали себя сами, и упускать из виду отличительные черты их общества. Жиль, Гиббон и все остальные, кто пытался понять, почему Византия исчезла с лица земли, задавались не тем вопросом. Дело не в том, почему она перестала существовать, интересно другое: как она вообще выжила и даже какое-то время процветала — вопреки всему?

Глава 1

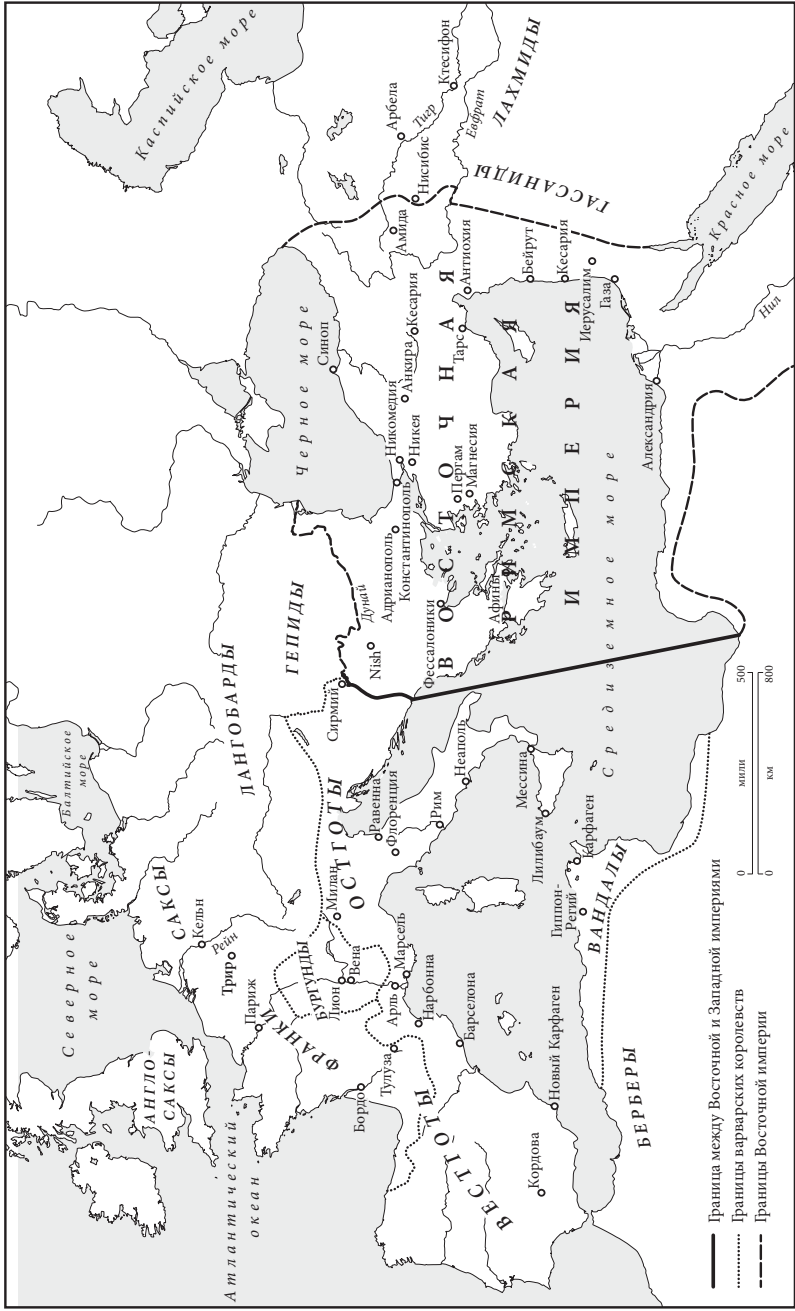
Сумерки богов

Я описал торжество варварства и религии.

ЭДВАРД ГИББОН, 1776 г.

Разрушенные памятники Константинополя были не единственными следами, оставшимися от Византии к 1540-м годам, спустя век после того, как она прекратила свое существование. По всей Западной Европе в библиотеках королей, герцогов и кардиналов хранились рукописи религиозных и классических текстов на греческом языке, которые некогда были тщательно скопированы византийскими переписчиками. Турок мало интересовали уцелевшие книги исчезнувшей империи, и они охотно продавали эти манускрипты таким людям, как Пьер Жиль, а те увозили их к себе на родину. Некоторые рукописи были вывезены беженцами. Чего только среди них не находилось: от Евангелия и Псалтиря до драгоценных трудов древнегреческих философов, которые на протяжении многих веков были недоступны на Западе.

Один из таких манускриптов, Codex Vaticanus Graecus 156, по сей день хранится в библиотеке Ватикана. Там есть и сотни других византийских рукописей, но эта — особенная. Ее облеченные в сан владельцы не желают, чтобы эту рукопись читали, и до середины XIX века доступ к ней был строго ограничен. Когда-то несколько страниц манускрипта были аккуратно и целенаправленно вырезаны, и их содержание мы уже никогда не узнаем. Остается удивляться, как это свидетельство подрывной деятельности вообще сохранилось. Датированная X веком, Graecus 156 является более поздней копией исторического труда, написанного на греческом около V века. Его автором был Зосима, государственный служащий, о котором

Византийская империя ок. 500 г.

неизвестно почти ничего. Но он оставил описание переходного периода от Римской империи к ее правопреемнице, Византии.

Зосима был свидетелем проигравшей стороны. Он изложил историю империи до 410 года, но с самого начала ясно дал понять, что это история упадка и разложения и в его время империя была уже не та, какой должна была быть. К тому времени, когда он писал свой труд, ее территория сократилась наполовину. Западные провинции уже ушли из-под власти императора и были заселены различными германскими племенами, которые Зосима — как и его сограждане — презрительно называл «варварами». Северная Африка находилась под властью вандалов, Испанией правили вестготы, Галлией — франки и бургунды, Британией — англосаксы и юты. Даже Италия и древняя столица империи Рим были утрачены и принадлежали теперь королю остготов. Вместо Рима столицей того, что осталось от империи — Балкан, Малой Азии, Сирии, Палестины и Египта, — стал восточный город Константинополь. Как же до такого дошло? Зосима не сомневался в ответе. Когда государство вызывает гнев богов, его неизбежно ожидает упадок. Именно это и произошло с империей, которая отвернулась от обитателей Олимпа, приведших ее к процветанию и величию, и обратилась к новомодной религии — христианству.

Не сомневался Зосима и в том, кто повинен в этом греховном отказе от традиционной веры и последующем упадке государства: он прямо указывает на человека, который был властителем Византии в 306–337 годах, как на «источник и начало разрушения империи». Его звали Константином, и был он, по мнению Зосимы, выскочкой. Да, его отец Констанций сидел на императорском престоле, но, как саркастически замечает Зосима, сам Константин был незаконнорожденным, плодом ночи любви с дочерью трактирщика. Тем не менее мальчику удалось попасть во дворец и добиться от отца большего расположения, чем законным сыновьям. В те времена Римская империя еще простиралась от Сирии на юго-востоке до Британии на северо-западе, и, когда Констанцию пришлось отправиться с войском к северным границам, честолюбивый Константин последовал за ним. Констанций достиг Йорка и там в 306 году умер. Солдаты его

армии немедленно провозгласили молодого Константина — сына блудницы, как называет его Зосима, — следующим императором. Все это было очень хорошо, однако в империи оставались и другие претенденты на верховную власть, и Константину пришлось воевать со своими соперниками по очереди. В 312 году в битве у Мильвийского моста на реке Тибр он одержал победу над Максенцием и стал владыкой Рима и западных провинций. А в 324 году расправился со своим бывшим союзником, Лицинием, и после этого, как с явным сожалением отмечает Зосима, вся империя оказалась под властью Константина.

Теперь Константину, которому, когда он стал самым могущественным человеком в мире, уже перевалило за 50, больше не было нужды скрывать свою «зловещую натуру». Она проявилась, как утверждает Зосима, когда у него возникло подозрение, будто его молодая жена Фауста вступила в любовную связь с его сыном от прежнего брака Криспом. Молодой человек был немедленно казнен. Но Фаусту по решению Константина ждала еще худшая участь: ее заперли в раскаленной бане, где она в конце концов и задохнулась. Когда же дело было сделано, Константин, по словам Зосимы, начал вдруг терзаться виной. Одно дело — убивать врагов в бою, и совсем другое — прикончить жену и сына. Возможно, он боялся, что боги нашлют на него страшную кару, как они поступили с мифическим Танталом, убившим своего сына Пелопса: этот бессердечный отец был приговорен провести вечность, стоя по шею в воде, страдая от безумной жажды и от того, что прохладная вода, стоило ему наклониться, чтобы испить ее, сразу исчезала. Желая избежать такой участи, Константин созвал на совет священников и мудрецов, но все они сказали ему, что такое страшное преступление нельзя искупить.

Случилось так, что в это время в Риме появился египетский христианин. В начале IV века христиане составляли меньшинство среди населения империи, но в некоторых крупных городах Церковь имела много последователей. Император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.) не питал приязни к этому развивающемуся религиозному культу и в 303 году издал указ о том, что церкви должны быть снесены, а копии Писания уничтожены. Христиане,

занимавшие высокие посты в государстве, должны были быть понижены в ранге и принести в приказном порядке, под страхом смерти, жертвы богам. Указ приводился в исполнение, хотя и не целиком и полностью, и многие христиане приняли смерть за свою веру, однако Церковь в целом не была уничтожена и даже при императорском дворе осталось несколько христиан. Знакомство с некоторыми из них привело к тому, что гость из Египта был допущен к Константину. Он заверил императора, что христианский Бог прощает даже самые тяжкие грехи. Как сообщает Зосима, Константин проглотил наживку. Он отменил политику Диоклетиана, положил конец гонениям и стал открыто демонстрировать благосклонность к христианской церкви, пренебрегая культом олимпийских богов. Зосима ужасался такой нечестивости и отказу Константина от веры предков.

Но это не все: в вину Константину Зосима вменил также и то, что он принял решение построить новый и совершенно ненужный город и это истощило население и ресурсы империи. По свидетельству Зосимы, религиозные преобразования императора не прибавили ему популярности среди римлян, особенно когда он попытался запретить традиционные языческие обряды, отправлявшиеся на Капитолийском холме. Поэтому он решил перебраться на Восток и перенести свою резиденцию туда. Сначала Константин хотел основать новый город неподалеку от места, где находилась древняя Троя, на побережье пролива Дарданеллы в Малой Азии, но через несколько лет передумал и двинулся дальше. В конце концов он остановил свой выбор на городе Византий. Чтобы сделать его достойным своего присутствия, Константин решил полностью перестроить город, возведя там все те грандиозные здания и памятники, которые были и в Риме: Сенат, центральную площадь, получившую название Августеон, ипподром для состязаний на колесницах и парадную императорскую резиденцию, Большой дворец. Там должно было быть много церквей и большой собор, посвященный Премудрости Божией, или Святой Софии, но Константин решил подстраховаться и позаботился о том, чтобы в городе были и несколько языческих храмов. Новая столица была переименована в его честь в Константинополь, «город Константина». Зосима крайне

неодобрительно относился к этому проекту и возмущался тем, что на его реализацию уходили огромные суммы, ради изыскания которых всю империю обложили высокими налогами. При этом, по его словам, Константинополь как магнит притягивал переселенцев со всех концов империи, жаждавших разбогатеть, пользуясь моментом и благосклонностью императора. Население быстро росло, улицы города были полны народа. Земли не хватало, прямо под городскими стенами возникали пригороды, в морское дно вбивали сваи и устанавливали платформы, на которых также можно было построить дома. В глазах Зосимы этот город был гнойной опухолью, которая однажды лопнет и прольется кровь, памятником тщеславию и неумной расточительности Константина.

Было и третье обвинение, которое Зосима добавил к тому, что Константин нечестиво отказался от почитания традиционных богов и построил совершенно ненужный город. Уверенно справляясь с внутренними врагами, император не преуспел в борьбе с варварами, которые осаждали границы империи. Когда на ее территорию вторглись каких-то 500 конных воинов, Константин, по утверждению Зосимы, попросту бежал. Вдобавок если благочестивый языческий император Диоклециан принял меры к тому, чтобы граница всегда была надежно защищена, разместив легионеров в оборонительных сооружениях по всей ее длине, то Константин решил, что войска должны находиться в городах. Таким образом он не просто оставил границы незащищенными, но и разрушил милитаристский дух империи, позволив воинам пребывать в лени и ублажать себя. А христианская религия, по мнению Зосимы, лишь ускоряла процесс разрушения, поскольку призывала отказаться от добродетелей мужественности и отваги, которые возвеличили Рим, и прославляла новые идеалы целомудрия и отречения от мира. Монахи же и вовсе вызывали у него отвращение, потому как были «бесполезны для войны или иной службы государству». Во дворцы императоров пришли не воины, а скопцы, чтобы занять свое место во власти. Поэтому-то, хотя прошло еще около 100 лет после Константина, прежде чем границы империи не выдержали натиска, именно его Зосима решительно

порицал за ее упадок и утрату западных провинций. «Когда наши души плодородны, мы процветаем, — заключал он, — но, когда душа становится бесплодна, мы ослабеваем до нашего нынешнего состояния».

* * *

Скептическое отношение Зосимы к Константину и его представление о закате империи разделяли не все. Совершенно не удивительно, что христиане относились к человеку, который спас их Церковь от гонений и сделал христианство официальной религией империи, иначе. Одним из первых, кто решил во всеуслышание возблагодарить его за это, был епископ палестинского города Кесарии, некий Евсевий. Современник Константина, он испытал все ужасы гонений Диоклетиана и, едва они прекратились, поспешил спеть дифирамбы новой власти, написав весьма льстивую биографию Константина. Он предусмотрительно не стал описывать обстоятельства рождения будущего императора и начал повествование с того момента, когда Константин оказался в императорском дворце. Уже тогда, по утверждению Евсевия, дух добродетели обеспечивал ему моральное превосходство над окружающими его язычниками. Его благочестие и красота вызывали во дворце зависть, так что он вынужден был отправиться в Британию, к отцу. Сам Господь распорядился так, что Константин оказался рядом, когда его отец умер, и, естественно, был избран преемником. Когда же Константину пришлось отстаивать свою власть в борьбе с соперниками, Господь и тут не оставил его. В 312 году его войско стояло у Рима, готовясь к битве с Максенцием, и тогда Константину якобы было видение креста на солнце со словами «сим побеждай». В ту ночь, писал Евсевий, сам Иисус Христос явился Константину и повелел ему сделать знамя, подобное виденному на небе, и нести его впереди войска в грядущей битве. Это знамя привело Константина к победе в сражении у Мильвийского моста и обратило его к новой вере, после чего он издал указ, положивший конец преследованиям христиан. Евсевий ни словом не упоминает ни об убийстве Криспа и Фаусты, ни о вине, терзавшей Константина, которая и привела его в лоно Церкви.

По версии Евсевия, установление Константином в 324 году единоличной власти над империей дало ему возможность в полной мере проявить свою щедрую и благочестивую натуру. Превращение Византия в Константинополь не было пустой тратой денег и сил, но проявлением христианского благочестия. Новый город был задуман как сугубо христианский, не опороченный языческими богослужениями: упоминаемым Зосимой языческим храмам в труде Евсевия места не нашлось. И уж конечно, Константин не ослаблял границы и не впускал в империю варваров. Напротив, он подчинил их власти Рима, и вовсе не римляне платили ежегодную дань варварам, а, наоборот, те смиренно возлагали свои дары к ногам Константина. Он вовсе не разорял империю, а был ее спасителем.

Судя по всему, Константин был правителем, который вызывал у своих подданных либо искреннюю преданность, либо лютую ненависть. Если же взглянуть на его царствование беспристрастно, то оно не было ни катастрофой, ни началом Золотого века. Скорее в его правление происходил процесс трансформации, когда империя адаптировалась к новому и опасному окружающему миру. Во времена Константина впервые проявились все характерные особенности византийской цивилизации: монументальная неприступная столица в Константинополе; господство христианства; политическая теория, которая возвеличивала императора, но также и налагала на него ограничения; преклонение перед аскетической духовностью; акцент на визуальное выражение духовного; и выходящий за рамки военного подход к угрозе на границах.

* * *

В каком-то смысле недовольство Зосимы новым, быстро растущим городом Константинополем было оправданно. Где-то к 500 году он уже был безнадежно перенаселен, а потому трудноуправляем и взрывоопасен. Малейшего повода хватало, чтобы на улицах вспыхнули беспорядки. В начале V века городским архиепископом был Иоанн Хризостом (Златоуст), снискавший большую популярность в народе: его пламенные проповеди всегда привлекали целые толпы. К несчастью, его недолюбливала

Евдоксия, супруга императора Аркадия (правил в 395–408 гг.). Златоуст подверг ее критике за то, что она присвоила в Константинополе кое-какое имущество, поправ права законных владельцев. Ее глубоко оскорбили некоторые из его проповедей, в которых он, хотя и не называя имен, обличал могущественных и коварных женщин. В июне 404 года Златоуст был отправлен в ссылку, но его сторонники отомстили за него. Решив, что никто не должен занять место Хризостома, толпа сторонников изгнанного архиепископа ворвалась в собор Святой Софии и подожгла его. К утру от него остались лишь дымящиеся развалины.

Однако не только вопросы религии возбуждали страсти в Константинополе на заре его существования. Гонки на колесницах, которые проходили на ипподроме, привлекали огромные толпы болельщиков двух главных команд: «зеленых» и «синих». Успешные колесничие становились знаменитостями: в их честь слагали стихи, их скульптурные изображения устанавливали в общественных местах наряду со статуями императора. Драки между болельщиками двух соперничающих команд были обычным делом, но однажды «синие» и «зеленые» объединились, и это всерьез напугало власти. В 498 году несколько болельщиков были арестованы за бросание камней. Толпа их товарищей обратилась к императору, престарелому Анастасию (правил в 491–518 гг.), с требованием освободить заключенных, но получила твердый отказ. Больше того: против непокорных был отправлен отряд солдат. Это послужило сигналом к общему возмущению на ипподроме, где как раз перед гонками собралось много народа. Толпа начала забрасывать камнями царскую ложу, где император уже занял свое место, чтобы присутствовать на состязании. Один большой камень, брошенный из толпы чернокожим болельщиком, едва не попал в Анастасия, и императорские телохранители бросились на преступника и изрубили его мечами в куски. К этому моменту выходы с ипподрома были уже закрыты, и толпа подожгла главные ворота. В результате и сам ипподром, и местность вокруг него сильно пострадали. В конце концов нескольких главных злоумышленников поймали и подвергли наказанию и порядок был восстановлен,

но произошедшее еще раз продемонстрировало, как быстро перенаселенный город может превратиться в арену боев.

Однако если относительно взрывоопасности Константинополя Зосима был прав, то оценить значение нового города в других аспектах он не мог. Эта столица возникла вовсе не потому, что Константин хотел бежать из Рима и был к тому же исключительно тщеславен. У него имелись очень веские причины на то, чтобы основать новый город именно в это время и в этом месте. Уже не один год императоры не стремились постоянно находиться в Риме — древняя столица отстояла слишком далеко от границ, которые надо было защищать, и приходилось искать другие форпосты. В западной части империи это были в основном Милан и Трир, а на Востоке — Антиохия и Никомедия. Константин стремился иметь собственную альтернативную столицу, достойную постоянного присутствия императора, и потому, остановив свой выбор на Византии, постарался украсить его великолепными зданиями, напоминающими о Риме. Кроме того, Константин руководствовался стратегическими соображениями, и это место было выбрано не случайно, что бы ни говорил Зосима о его первоначальном желании построить город близ Трои. Константинополь расположен как нельзя более удачно — на Босфоре, на полпути между Дунаем и границами Месопотамии, куда удобнее, чем Рим, учитывая постоянную угрозу безопасности империи. И даже Зосима вынужден был признать, что такое местоположение обеспечивало максимальную защищенность, ибо город стоял на узком мысе между морем и заливом Золотой Рог, одной из лучших природных гаваней в мире. Константин укрепил оборону, возведя стену со стороны, обращенной к суше. В следующем веке был построен новый участок — Феодосиевы стены, огородившие разросшееся пространство города. Сложенные из известняковых блоков в пять с половиной метров толщиной, они сделали Константинополь неприступным с суши. Один пролет стены был построен и со стороны моря, защищая его от нападения вражеского флота. Единственным слабым местом было отсутствие пресной воды, но и эта проблема решилась строительством акведуков и подземных резервуаров-хранилищ. Зосима не мог знать того, что, когда настанут трудные

времена и империю будут осаждать со всех сторон, Константинополь окажется главным ее достоянием и будет раз за разом выдерживать приступы и переживать блокады. Даже претенциозные здания и обширные открытые площади докажут свою ценность, делая Константинополь столицей-витриной, поражающей приезжих, демонстрирующей богатство и мощь империи, и подкрепляя ее притязания на роль центра христианского мира.

* * *

Несмотря на всю значимость появления новой столицы, Константинополя, главное, что резко отличало Византийскую империю от римского мира, который ей предшествовал, — это широкое распространение христианской религии. Во времена Рима одновременно с официальным культом олимпийских богов существовало множество местных божеств и культов. В Византии была только одна религия, и, только приняв ее, вы могли быть верноподданным императора. Независимо от того, что писали Евсевий и другие христианские авторы, это изменение произошло не в одночасье. Обращение Константина к вере не сразу привело к христианизации всей империи, а открыло путь этому процессу, который шел постепенно. После победы в сражении у Мильвийского моста в 312 году Константин триумфально въехал в Рим и повелел воздвигнуть арку в честь свершившегося, но в надписях на ней не было никаких отсылок к христианству, кроме расплывчатого утверждения, будто победа была одержана «с божьей помощью». В 313 году Константин издал эдикт о свободе вероисповедания, который положил конец преследованиям христиан. Позже он сделал воскресенье выходным днем, вступил в дружескую переписку с христианскими епископами и начал финансировать христианскую церковь за счет государства. Однако при этом император не делал серьезных попыток запретить почитание прежних богов, и их храмы и святилища продолжали функционировать, как и раньше. После смерти Константина в 337 году никто также не пытался насильно обратить народы империи в христианство. Его сын, Констанций II (правил в 337–361 гг.), повелел закрыть некоторые храмы, но многие из его распоряжений были отменены следующим

императором, язычником Юлианом. За свое короткое правление Юлиан (361–363 гг.) попытался восстановить поклонение старым богам, но скоропостижно умер, а все последующие императоры были христианами. Тем не менее они действовали осторожно и проявляли терпимость ко всем верованиям.

Только к концу IV века стало возможно принимать активные меры против язычества. К тому времени, поскольку в христианство обратились император и двор, преобразования пошли нарастающими темпами, и во многих городах христиане стали большинством. Неуклонный, порой насильственный процесс превращения христианства в государственную религию начался с воцарением Феодосия I (правил в 379–395 гг.). Сначала один за другим стали закрываться языческие храмы, а в 391 году Феодосий счел возможным издать указ, полностью запрещающий жертвоприношения — важную часть языческого культа.

Как этот закон воспринимали в разных частях империи, зависело от ситуации на местах. Там, где христиане составляли большинство, языческие культы исчезли без лишнего шума. Так произошло в Константинополе, но не во втором по величине городе империи, великом египетском порту Александрии. В IV веке население города составляло около 300 000 человек, в нем было почти 400 храмов — языческих, христианских, иудейских. Христианская община процветала, а ее основателем был евангелист Святой Марк. Архиепископ Александрийский был третьим по значимости в христианской иерархии после Папы Римского и патриарха Константинопольского и одним из тех пяти, кто имел право именоваться «патриархами». Но в то же время в Александрии существовала процветающая, активная и многочисленная община язычников, и, кроме того, город был центром классического образования и мог гордиться второй по значению после Афинской философской школой и библиотекой, в которой хранились 490 000 папирусов с античными греческими текстами. Город украшали великолепные храмы. Тяхейон был посвящен богине Фортуне, Кесарион — культу давно умерших императоров. Самым роскошным из всех был Серапеум: в его огромном колонном зале высилась монументальная статуя бога Сераписа.

Рано или поздно эти две группы должны были вступить в конфликт, и так и произошло, когда христиане попытались построить на месте языческих храмов свои церкви. В 361 году патриарх Александрийский Георгий решил, что заброшенный храм Митры должен быть разобран и на этом месте будут проводиться христианские богослужения. Работы начались, но, когда в храме выкопали несколько скелетов и безо всякого почтения вынесли их наружу, вспыхнул бунт. Язычники ворвались в собор, выволокли несчастного Георгия и забили его до смерти. В конце концов победу, конечно, одержали христиане, ведь императорская власть была на их стороне и они просто не могли проиграть. В 391 году другой патриарх, Феофил, обратился к императору Феодосию за разрешением снести языческие храмы в городе. Оно было получено, и Феофил с группой сторонников уже собирался начинать работы. Узнав, что происходит, большая группа язычников схватилась за оружие и напала на христиан. Сперва бои шли на улицах, затем язычники, теснимые христианами, бросились в Серапеум и забаррикадировались внутри. Противостояние завершилось, только когда был зачитан указ императора, обещающий амнистию участникам бунта, если они покинут храм. Большинство их решили воспользоваться этим предложением, открыли двери, и толпа христиан хлынула внутрь. Когда они завершили свое дело, знаменитое здание было полностью разрушено, колонны снесены, а статуя Сераписа разбита вдребезги. От великолепного храма почти ничего не осталось.

Примерно то же самое происходило в палестинской Газе. Главной достопримечательностью этого процветающего города был огромный, имевший форму круга Марнейон, центр культа Марны, местного бога земледелия, отождествлявшегося с греческим Зевсом. Он был мощен дорогостоящим мрамором, и эти плиты считались настолько священными, что никому не было дозволено ходить по ним. Казалось, что уж здесь-то язычникам нечего опасаться, поскольку христиане составляли явное меньшинство среди 20 000 жителей города. Когда в 395 году христиане Газы избрали своим епископом бескомпромиссного монаха Порфирия, его ждал со стороны местных язычников ледяной прием. Они завалили дорогу, ведущую в Газу, шипами

и колючими лозами, чтобы помешать ему пройти, и Порфирий пробирался сквозь них до поздней ночи. На улицах города на христиан регулярно нападали и избивали их. Возмущенный всем этим Порфирий пожаловался властям и получил указание закрыть все языческие храмы в Газе. Но местные чиновники, видимо, опасались беспорядков, и потому главный храм, Марнейон, остался открытым. Единственное, что оставалось Порфирию, — поехать в Константинополь и обратиться к самому императору.

Прибыв во дворец, епископ и его спутники столкнулись с трудностью: увидеть императора — это был сын Феодосия Аркадий — оказалось очень непросто. Но они смогли попасть на аудиенцию к императрице Евдоксии, которая с пониманием отнеслась к их просьбе и пообещала уговорить мужа согласиться на уничтожение Марнейона. Однако сказать это оказалось легче, чем сделать. Аркадий был благочестивым христианином, но, когда Евдоксия обратилась к нему с этой просьбой, он ответил отказом, заявив, что получает большие налоговые поступления от богатых язычников Газы и потому не желает вступать в конфликт с ними. Однако Порфирий не терял надежды. Он подождал несколько недель, пока императрица родила сына, а в день крестин встал у дверей собора со своим ходатайством, которое собирался, с разрешения императрицы, вручить слуге, несшему ребенка. Таким образом, когда приближенные императора собрались во дворце, император едва ли мог избежать получения ходатайства. Его подловили, и он знал это, но все-таки уступил. На следующий день Порфирий получил письменный указ императора о сносе храмов и отправился в Газу вместе с официальным посланником Кинегием, которому было поручено привести указ в исполнение.

Прибыв в Газу в мае 402 года, Кинегий с отрядом воинов двинулся на Марнейон. Но язычники не собирались сдаваться без боя. Они заперлись в храме, забаррикадив его тяжелые двери, и потому солдаты и местные христиане отправились к другим, незащищенным, храмам, разграбили и сожгли их. А десять дней спустя они вновь собрались, чтобы обсудить, как им уничтожить главное святилище, Марнейон. Разработав

план, они пошли к храму. Деревянные двери намазали смесью из смолы, серы и свиного сала. Затем эту смесь подожгли, двери загорелись, и вскоре огонь распространился на все здание. К концу дня Марнейон лежал в руинах. Когда же пепел и страсти остыли, Порфирий объявил о своих планах построить на этом месте новую церковь на деньги, которые дала ему для этой цели Евдоксия. Это должно было быть строение совершенно другой формы и архитектуры, поэтому место, где стоял Марнейон, полностью расчистили. Пять лет спустя новая церковь была завершена. Мраморными плитами, уцелевшими в огне, по приказу Порфирия замостили городской рынок, и теперь по ним мог ходить кто угодно, даже собаки и свиньи. Однако сменилось поколение, а многие язычники все еще избегали этого рынка, дабы не ходить по оскверненным священным плитам.

Эти драматические события ознаменовали окончание открытых проявлений идолопоклонства в Византии. К 423 году император Феодосий II (правил в 408–450 гг.) считал возрождение язычества столь маловероятным, что мог позволить себе быть щедрым и издать закон, гарантирующий язычникам сохранность имущества при условии, что они не будут приносить публичных жертвоприношений. Это был жест примирения, если учесть, что на последних стадиях процесса христианизации развернулась настоящая охота на ведьм. К началу V века язычники оказались в явном меньшинстве и часто становились жертвами жестоких преследований. Самый ужасный случай произошел в Александрии в 415 году. Одним из преподавателей на кафедре философии в Александрийской школе была женщина, Гипатия. Среди ее учеников значились передовые интеллектуалы того времени, как христиане, так и язычники. Сама Гипатия не обратилась в христианство. Это, а также ее нежелание быть на вторых ролях, что считалось более подобающим женщине, вызвало неприязнь к ней некоторых представителей Александрийской церкви. Однажды, когда она ехала по улицам города, группа христиан напала на нее: Гипатию стащили с носилок, отволокли в церковь, раздели донага и избили до смерти на алтаре. Это был единственный случай, и большинство христиан, так же как и язычники, ужаснулись произошедшему, но он дает представление о том,

как проходил процесс христианизации, и объясняет горькие интонации в рассказе Зосимы и его жалобы на то, что просвещенные и добродетельные философы подвергались гонениям за свою веру.

Однако не только язычники пострадали в ходе этой религиозной революции. Христиане, которые придерживались той версии веры, которая отличалась от официально признанной, тоже оказались на линии огня. Принимая христианство, Константин, видимо, не учел того, что по целому ряду вопросов Церковь была разделена. Наиболее серьезным был вопрос о том, кем являлся Иисус Христос по отношению к Богу Отцу. На копье эту проблему подняли в вечно беспокойном городе Александрии. Согласно учению местного священника по имени Арий, Иисус был сотворен Богом и, следовательно, не мог быть равен ему. Но другие христиане считали, что Христос был божеством в той же мере, что и Бог Отец. В надежде положить конец спорам в 325 году Константин созвал в Никее церковный собор, который позже стали называть Первым Вселенским собором. На нем присутствовали 300 епископов, которые приняли Символ веры, формулу вероисповедания, которая соответствовала линии противников Ария. Согласно ей, Иисус единосущен Богу Отцу, то есть является таким же Богом, как и Отец.

Но на этом противостояние не завершилось. Арий и его сторонники продолжили проповедовать свою версию богословия, и к концу своего царствования Константин склонился на их сторону. После смерти Константина его преемником стал Констанций II, который явно благоволил арианам (как и несколько следующих императоров). Соответственно те, кто поддержал решения Никейского собора, были объявлены еретиками и подвергались преследованиям. Их лидером был резкий в высказываниях, не скрывающий своих взглядов патриарх Александрийский Афанасий, которого трижды ссылали на северные окраины империи. Но в конце IV века маятник качнулся в другую сторону. Феодосий I, воинствующий противник язычества, оказался также убежденным сторонником решений Никейского собора. В феврале 380 года он издал эдикт, согласно которому отныне все христиане должны были исповедовать веру по формуле, принятой

на Никейском соборе, и только тогда они могли быть признаны «вселенскими». Несколько месяцев спустя все епископы-ариане были низложены, и вместо них поставили сторонников Никейского собора. А в следующем году в Константинополе собрался Второй Вселенский собор — для закрепления богословских решений, принятых в Никее. «Отрава арианской ереси» была объявлена вне закона, и формула вероисповедания, выработанная в Никее и Константинополе и позднее закреплённая решениями Халкидонского собора 451 года, оставалась официальной доктриной Византийской империи на протяжении всего ее существования. Горе любому, кто думал иначе: отныне все считавшие Христа менее божественным, чем Бог Отец, признавались еретиками.

Еще одной группой людей, которые, наряду с язычниками и еретиками, не разделяли новую всеобщую веру, были иудеи. Их положение в Римской империи всегда было сложным. После разгрома иудейских восстаний в Палестине в 70 и 135 годах началась массовая эмиграция евреев из Иерусалима и Палестины, так что во времена Зосимы обширные и, как правило, процветающие иудейские общины существовали по всей империи, а особенно много их было в Египте и Сирии. В основном они мирно сосуществовали со своими соседями, но, когда христианство стало основной религией, ситуация начала меняться. Местное духовенство озаботилось тем, что многие новообращенные христиане в недостаточной степени осознавали разницу между своей верой и иудаизмом и охотно посещали и церковь, и синагогу. Священники начали читать проповеди, в которых указывали на то, что принятие божественности Иисуса в христианстве отличает его от иудаизма. Самым знаменитым из таких проповедников был Иоанн Хризостом, будущий патриарх Константинопольский. Все его восемь проповедей на эту тему, произнесенные в Антиохии в 386–387 годах, были встречены бурными аплодисментами. Работая на публику, Иоанн не удержался и обвинил иудеев в том, что они ответственны за смерть Христа, и потому «нет им прощения, нет оправдания...»

Распространение подобных взглядов вело к росту напряженности, и между евреями и христианами стали происходить

такие же столкновения, как между христианами и язычниками. Около 490 года толпа христиан в Антиохии подожгла синагогу и выкопала часть трупов на кладбище рядом с ней. В Александрии крупное противостояние случилось в 413 году, когда разъяренные нападениями христиан иудеи, проживавшие в городе, решили дать им серьезный отпор. Они договорились между собой, что все евреи наденут на палец кольцо из коры пальмового дерева, чтобы можно было узнавать друг друга. Затем ночью они вышли на улицы и стали кричать, что церковь в огне. Христиане, выбегавшие из домов, чтобы тушить пожар, попадали в руки вооруженных иудеев, и многие были убиты. Когда на следующее утро стали ясны масштабы кровавой бойни, патриарх Александрийский повел свою паству на иудеев — на их дома и синагоги. В течение нескольких дней вся иудейская община Александрии была вынуждена покинуть город, а большая часть ее имущества была захвачена христианами.

Отношение христианской имперской власти к иудеям было двойственным. С одной стороны, префект Александрии был возмущен их изгнанием, несомненно, потому, что уход такой значительной и богатой части городского населения привел к заметному снижению налоговых поступлений. С 425 года на местах стали приниматься законы, призванные защитить иудеев и предотвратить нападения на их дома и синагоги. Но с другой стороны, даже в коридорах высшей власти распространялся христианский догматизм. Иудеям было запрещено занимать посты в управленческом аппарате империи, а в 388 году Феодосий I издал закон, запрещающий им также вступать в брак с христианами. В 531 году было объявлено, что иудеи больше не могут свидетельствовать против христиан в суде. Иудейские общины сохранились в византийских городах, но права каждого, кто не исповедовал официальную религию, были в той или иной степени ущемлены.

Однако не только последователи иной веры притеснялись в раннем византийском обществе. Христианская религия провозглашала идеалом нравственности целибат и призывала к ограничению сексуальной активности моногамными отношениями между мужчинами и женщинами. Все, кто в своих сексуальных

пристрастиях выходил за эти рамки, оказывались в опасном положении. В Древнем Риме сексуальные отношения между представителями одного пола не возбранялись, и даже императоры открыто имели любовников-мужчин, хотя считалось, что пассивная роль в такого рода отношениях не подобала римскому гражданину. По мере того как христианство становилось официальной религией империи, власти начали принимать законы, регулирующие сферу, которая прежде была вопросом личного выбора. Как и в случае с язычеством, императоры действовали постепенно. В 342 году вышло установление, запрещающее мужчинам жениться на других мужчинах, но не предусматривавшее никакого конкретного наказания за это. Еще полвека спустя другим законом была запрещена гомосексуальная проституция. А в 533 году вышел закон, прямо запрещающий сексуальные отношения между мужчинами, и ряд высокопоставленных лиц были привлечены к ответственности, подвергнуты пыткам и отправлены в изгнание. Любопытно, что все они были епископами. С тех пор, как писал летописец того времени, «те, кто испытывал влечение к другим мужчинам, жили в страхе».

* * *

Итак, картина перехода от Рима к Византии выглядит довольно мрачной: и в умах властителей, и в законодательстве воцарилась нетерпимость. В глазах Эдварда Гиббона, написавшего свой труд в XVIII веке, все это было крайне непривлекательно. А уж всех нас, тех, кому довелось жить после 1945 года, преследование инакомыслящих, евреев и гомосексуалистов и вовсе заставляет проводить определенные параллели. Однако в данном случае они неуместны. Режим, который пришел к власти в Германии в 1930-х годах, собирался существовать тысячи лет, но едва протянул 12. Византия, напротив, оказалась империей-долгожителем. А все потому, что наряду с неоспоримой узостью взглядов, свойственной ее новой религии и культуре, Византию отличали иные характерные черты, которые обеспечивали ее властям лояльность населения, а заодно восхищали и обращали в трепет чужестранцев, — и эти особенности в трудные времена могут служить образцами для подражания.